

Дневник директора школы

Моя собеседница Лидия Акимовна Рыжкова прожила непростую, но интересную и очень насыщенную жизнь. В середине 70-х она стала директором школы № 11 и проработала в этой должности 35 лет. Ее много раз избирали депутатом областного и городского Советов, она имеет государственные награды и звания. Одно из них – заслуженный учитель РФ. Лидия Акимовна гордится своими учениками. Рассказчик Лидия Акимовна изумительный. Убедитесь в этом сами.

Палили во все, что движется

Когда мне было четыре года, началась война и в нашу деревню пришли немцы. Я помню, как они на мотоциклах ехали по улицам. Зверствовать начали с ходу. Почему-то решили, что если мужик носит исподнее – кальсоны с рубахой, значит, он партизан. Хватили тогда многих, расстреливали за любую провинность. Помню, как староста просто пальцем показал на нескольких мужчин, которых в армию по болезни не призвали, и их тут же убили. Фашисты не щадили и живность, убивали кошек, собак, других домашних животных. Напьются пьяные – и ну палить по всему, что движется.

Мы убежали в лес, жили в землянке, которую сами и вырыли. Там на полу солому постелили, из дому натаскали что могли, чтобы не замерзнуть. Страшно было!

Когда разводили мосты

В школу я пошла уже после войны. Когда училась в старших классах, решила, что мне надо непременно стать врачом. Собралась поступать в Курский медицинский институт. Об этом узнал отец. Помню, как он сказал: «Лидя, не надо тебе в мед, поступай-ка ты в наш Орловский пединститут, из тебя получится замечательный учитель». И я сделала так, как советовал папа.

Когда училась на последнем курсе, пошла на свадьбу к подружке и там познакомилась с молодым лейтенантом, он был выпускником Кировской академии, ракетчиком. Торжество закончилось, все засобирались домой, а тамада говорит: «Вы, лейтенант, Лиду проводите!». Звали лейтенанта Юрий Рыжков. Дошли мы до дома, распрощались. А потом встретились совершенно случайно.

Я ездила в Ленинград на курсы, а он там в командировке был. Встретились мы на мосту, причем тогда, когда его разводить стали. Вот как судьба свела... А вскоре мы поженились.

Родина сказала: надо!

В 1965 году мы приехали в Анадырь. Я работала в школе, муж был занят на службе, испытывал ракеты. Домой приезжал редко. А у нас к тому времени дочка была – трехлетняя Танечка. Поселили нас в деревянном доме. Когда начиналась пурга, он в буквальном смысле ходил ходуном. Ветер начинал дуть с такой силой, что человека могло «закатать», если ни за что не держаться. Поэтому повсюду была проволока натянута. Хвататься за нее надо было быстро: не успеешь – смерть.

Летом все в тундру ходили. Ягод и грибов невиданно, но мошкары еще больше – заживо съесть могли, если не закутаться.

Прожили мы в этом неласковом краю пять лет. Научились рыбу ловить и заготавливать самостоятельно. Фруктов практически не видели, их привозили раз в году; молоко, овощи – сухие. Даже лук и тот в порошок был перетерт. Воду доставляли в бочках к домам. Она из моря-океана к нам приезжала, поэтому в ней какой только живности не плавало. Сдуешь живность эту, ковшом зачерпнешь и в кастрюльку нальешь.

Молодые были, не обращали внимания на трудности. Родина сказала: надо – значит надо слушать. Муж в части, я на работе с утра до вечера, а с Танечкой солдаты, бывало, сидели – нянь-то не было. Подросла – стала на ездовых собаках ездить. Так и росла. Но однажды слегла с сильнейшим отравлением. Куда ребенка везти? Видимо, Богу было угодно, чтобы мы выходили нашу малышку сами, врачи по-

том мне сказали прямо: «Счастливая ты, матушка!».

Они русский совсем не знают...

В Ярославль мы приехали в конце 60-х, и с тех самых пор я здесь живу. У нас на Перекопе была комната. Иду как-то на работу по улице, стараюсь только на досочки наступать, чтобы в грязь ногами не попасть. И вдруг слышу, мне вслед кричат: «Отдайся, идешь, как корова!».

Да ладно, на улице и не то услышать можно было. Даже в учительской у нас педагоги тоже говорили: «Примылась»... Я была в шоке. Домой приходила и говорила мужу: «Юра, они русский язык вообще не знают!».

Дети в интернате № 6, где я работала, были особенные – из трудных семей. Как-то утром прихожу их будить, а они распороли подушки, перья вытряхнули, себя чем-то обмазали и в этих перьях вывалялись. Стоят передо мной такие вот индейцы. Худые страшно... Приходила к их родителям домой. Разговаривала. Не всегда меня принимали хорошо, бывало, что и выгоняли или говорили: «Опять пришла, Татьяна Ларина, будешь нас воспитывать!».

Вот и не пиши!

В Брагино мы переехали в самом конце 60-х. Здесь дочка в школу пошла, а я к тому времени родила сына Мишу, была в декрете. Но недолго. Сначала позвали меня работать в 80-ю, потом в 39-ю школу, а в середине 70-х назначили директором строящейся 11-й школы.

Муж все продолжал служить Отечеству. Без него сын и ходить начинал, и говорить. Жили мы тогда на улице Урицкого. Я сама коляску на четвертый этаж затаскивала, сумки тяжелые... А куда деваться? Как-то посетовала в сердцах, муж послушал меня и

сказал: «Ты знала, за кого выходила, вот и не пиши».

Бабонька будет?

Но вот построили школу, надо мебель заносить. Грузчиков нет, учителя в основном женщины. Рядом со школой мальчишки гуляют, мат такой, что хоть уши затыкай. Делаю вид, что ничего не слышу, подхожу к ребятам, помочь их прошу. Не отказали. Носят стулья, столы, и тут один меня спрашивает: «Ты не знаешь, у нас бабонька директором будет?». Рядом физик наш стоит. Вижу, у него прямо дыхание перехватило, но я ему подмигнула, мол, тише, не выдавай меня. А мальчишка все спрашивает: «Расскажи, как она?». Я говорю: «Да ничего!».

Преодолели мы все трудности. Классы оборудовали, все новое. Красота! Но как-то прихожу я в школу, захожу в кабинет биологии, а там стоит скелет с папиросой в зубах, а вокруг него лягушки заспиртованные валяются... Детей можно и наказывать было, конечно, только что толку? Зуботычин и пинков они и дома в достатке получали, а я всегда считала, что только доброта может спасти ожесточенные души.

Заберите свой мусор

Иду как-то на работу, вижу, около кустов жасмина мусор свален. Подошла, смотрю – дневник лежит, на нем имя, фамилия ученика. Чуть подалеже тетрадь валяется, тоже подписанная, потом еще одна... Я быстро выяснила, кто, где живет, и позвала техник. Собрали мы в новые ведра и тетради, и дневники, и весь мусор и понесли его по адресам.

Захожу в дом, открывает хозяйка, я ее спрашиваю: «Ученик такой-то здесь проживает?». Она головой утвердительно кивает, а я ей содержимое ведра прямо на порог высыпала.

– Что же ты, – говорю, – мамаша? Я ведь для твоего ребенка старалась, а ты мне к школе мусор принесла.

Та в ступор сначала впала, потом ругаться начала, но быстро успокоилась. Короче, разнесла я все «подарочки» по адресам. Говорили, что кто-то жаловался на меня, но как бы там ни было, больше мусора рядом со школой я не видела.

Где такую фифу нашли?

Помню, приехали мы в командировку в Финляндию опытом обменяться. У них в школе коридоры широкие, а в конце небольшой бассейн, заполненный разноцветными кеглями. Бежит ребенок, прыгает в этот бассейн, барахтается, радуется. Я сразу свою школу вспомнила.

Обидно мне стало, решила и у себя такую же красоту сделать. Отгородили мы в коридоре уголок, бортики поставили, кегли насыпали... На третий день все кегли исчезли, их дети домой унесли.

Подсмотрела я в финской школе и еще одно ноу-хау – огромные часы над дверью. Идет ребенок в школу, заигрался, посмотрел на часы и понял – надо на урок спешить. Я на втором этаже повесила такие же. К вечеру их расстреляли из рогаток, один циферблат остался.

Но кое-что прижилось. В Питере я увидела в одной из школ, что стены в классах покрашены разной краской, сделано это было для того, чтобы у деток глаза не уставали. Говорю: «Надо и нам такие же веселые классы сделать!». Что тут началось! Строители, которые школу ремонтировали, на меня куда только не жаловались, директору горно звонили и говорили: «Где вы такую фифу нашли?!». Но я своего добила.

Не могу по-другому

Сейчас я пишу книгу «Дневник директора школы». Перечитываю письма, которые мне ученики присылали, стихи, альбомы с фотографиями переписываю. Вспоминаю, как все было. Где-то поплачу, где-то улыбнусь. Дети мои давно выросли. Сын – офицер, как и его отец, в Ярославле с семейством живет, дочь – профессор МГИМО, доктор наук. Навещают меня. И внуки в гости приезжают. Вот внучка мне kota на день рождения подарила.

А мужа я рано похоронила, было ему всего 57 лет. Сгорел в считанные месяцы. Тогда ведь никто нам не говорил, что ракетное топливо опасно, а мы и не спрашивали ни о чем.

Я сама до сих пор работаю в городской ветеранской организации. Ходим мы по школам, рассказываем детям о подвигах отцов и дедов. А как по-другому? Должны ребята обо всем этом знать. Так и живу...

Записала Людмила ДИСКОВА
Фото Ирины ШТОЛЬБА